

Р. В. Иезуитова

**«ЗАЧЕМ ТЫ, ГРОЗНЫЙ
АКВИЛОН...»
(О судьбе одного
болдинского автографа)**

Любопытна и поучительна судьба одного из шедевров пушкинской лирики — «Аквилона», написанного в первые месяцы михайловской ссылки, дошедшего до нас в более поздней, болдинской записи, но опубликованного лишь в 1837 г. всего за несколько недель до смерти Пушкина. В подобной ситуации, на первый взгляд, нет ничего необычного. Пушкин, как известно, не торопился с публикацией своих стихов, в том числе и вполне законченных и художественно совершенных. Многие из его лирических шедевров, выражая сокровенные мысли автора, оставались для него знаками пережитого душевного состояния, вехами его внутренней жизни, и поэт не стремился сразу поделиться сокровищами своей души даже с сочувствующими ему читателями. Но это особая тема, лишь отчасти касающаяся пушкинского «Аквилона», ибо в данном случае мы имеем дело не с соображениями сугубо психологического плана, а с целым рядом обстоятельств другого, хотя также творческого и личного порядка.

Совсем коротко охарактеризуем сохранившийся в числе других болдинских рукописей автограф «Аквилона» (ПД 126), который, насколько нам известно, специально не изучался. Между тем он дает в достаточной мере любопытную информацию, проливающую свет на понимание этого сложного поэтического текста.

Болдинский автограф представляет собою листок, на лицевой стороне которого записан перебеленный текст «Аквилона». Запись выполнена разборчиво, с небольшой правкой в средней части стихотворения и более обильной — в последнем его четверостишии. Под ним две отчетливо читаемые пометы, исключающие, на наш взгляд, нередко возникавшие в пушкиноведении споры о времени написания «Аквилона». Вот эти пометы: «1824 Мих<айловское>» и «Болдино 7 сен<ября>». Первая помета фиксирует дату создания стихотворения (временем от начала приезда Пушкина в Михайловское, то есть не ранее 9 августа и до конца декабря 1824 г.); вторая помета датирует запись и доработку этого текста. Не подлежит сомнению, что первая помета вовсе не камуфлирует (из соображений осторожности, как об этом пишут некоторые комментаторы) подлинные обстоятельства, вызвавшие этот стихотворный отклик, а наоборот — прямо на них указывает. Мы полагаем, что нижний слой болдинского автографа «Аквилона» дает первоначальную, условно говоря, «михайловскую» редакцию стихотворения (со-

зданную, повторяем, в августе — декабре 1824 г.), но записанную по памяти в Болдине 6 лет спустя. В пользу этого предположения свидетельствует отсутствие черновика или каких-либо других следов творческой работы над текстом (он мог находиться в так называемой «Михайловской тетради», уничтоженной Пушкиным после событий декабрьского восстания), характер самой записи (дающий поначалу сплошной текст),¹ а также отсылающая к 1824 г. авторская дата, которая, кстати отметить, была поставлена и при публикации стихотворения в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» (1837, № 1, 2 янв. С. 4).

Итак, уникальная память Пушкина в течение 6-ти лет хранила этот михайловский текст, пока не возникла потребность записать его. Потребовались особые условия, заставившие Пушкина снова обратиться к тексту давно созданного стихотворения. Такие условия сложились в первую болдинскую осень (1830) с ее психологическим и творческим настроением, переосмыслением многих прежних ценностей, с подведением каких-то итогов пройденного пути накануне предстоящих ему жизненных перемен. Процесс этот, охвативший многие стороны деятельности Пушкина, своеобразно сказался и на дальнейшей судьбе «Аквилона». Не доведя до конца своей записи стихотворного текста, Пушкин (это обычная его творческая практика) сразу же начал его правку; последний слой автографа дает окончательную, «болдинскую», редакцию «Аквилона», которую автор поместил точной датой (7 сентября 1830 г.). Этот текст он опубликует 7 лет спустя. Правка в болдинском автографе носила в основном стилистический характер, но она отчасти коснулась и содержательной стороны текста. Пушкин несколько притушил, несомненно, имевшие место аллюзии, намекавшие на расправу с ним Александра I, и выдвинул на первый план философско-этический элемент содержания. Однако он оставил в неприкосновенности формулу «гроза и слава», указывающую на события Отечественной войны 1812 г. и вызывающую в памяти образ Наполеона. Это существенные для понимания общего смысла «Аквилона» художественные штрихи и скрытые реалии во многом определили характер восприятия этого произведения, которое, подчеркнем, требует от исследователя соблюдения осторожности и такта в толковании возникающих в этой связи исторических ассоциаций. Еще Б. В. Томашевский в статье 1937 г. «Пушкин и Лафонтен» возражал В. Я. Стоюнину, разумеющему под северным ветром «аквилоном» — политические потрясения, а под дубом — самого Пушкина, который в результате этих потрясений «был вполвину низвергнут». Не принимал он и точки зрения Л. Н. Майкова, считавшего, что «аквилоном» назван Александр I, «дубом» — Наполеон, «тростником» — Пушкин.²

Томашевский первым обратил внимание на использование в «Аквилоне» особой жанровой традиции, восходящей к хрестоматийно известной басне Лафонтена «Дуб и трость», подчеркнув при этом, что использование этого басенного сюжета Пушкиным не снимает его аллегоричности, но эта аллегоричность особого толка, исключая прямые автобиографические реалии и политические аллюзии. Согласившись с мнением Томашевского в целом, в особенности с его критикой Стоюнина и Майкова, подчеркнем, что одного указания на литературный источник и соответствующую жанровую традицию далеко не достаточно для понимания смысла стихотворения,

так или иначе связанного с событиями михайловской ссылки Пушкина. Заметим, что в последние годы пушкинские произведения — в особенности его лирика — подвергаются фронтальному «очищению» от жизненных, бытовых, а тем более политических реалий. Примером могут служить статьи об «Арионе» и стихотворениях так называемого «Каменноостровского цикла» (1836). Тенденция эта вполне понятна в качестве реакции на чрезмерности социологического и узко автобиографического метода, выявляющего буквально в каждом сочинении Пушкина завуалированный отклик на те или иные общественно-политические ситуации, но она таит в себе другую опасность — изоляцию сочинений поэта от живых, реальных истоков, питающих его творческую мысль, от тех порою весьма конкретных событий и фактов, которые вызвали потребность углубленного художественного их осмысления. На наших глазах творится новый миф о поэте, живущем в мире чисто литературных, сугубо духовных субстанций и даже абстракций, и его творчество полностью изолируется от его жизни. «Аквилон» — яркий пример органичности творческого (литературно-эстетического) и жизненного (во всех его ипостасях) начал в поэзии Пушкина. Необходимо уяснить, вследствие каких причин в поле зрения Пушкина попал знаменитый басенный сюжет о дубе и тростнике (вариант — трость) и по каким источникам поэт знакомился с ними.

Сюжет этот принадлежит к числу бродячих сюжетов мировой басенной поэзии. Начало его распространению в европейской литературе положил вовсе не Лафонтен, а родоначальник жанра Эзоп своей басней (в прозе) «Дуб и олива», смысл которой состоял в обличении гордости, кичливости власти и хвастовства сильного перед немощным и слабым, а главное — в неминуемом наказании этого распространенного человеческого порока божественными силами, ниспосылающими могучий и безжалостный ветер (аквилон), который губит дуб, но шадит оливу. Иносказательная форма произведения позволяет вместить в него достаточно широкое, отвлеченное от тех или иных реальных ситуаций содержание, создать на основе этого сюжета сатиру на людские пороки вообще. Но она же давала возможность в случае необходимости «сузить» этот сюжет до вполне частного случая, но с неизбежно глубокой моралью, возводящей конкретный случай до всеобщего закона бытия о превратностях человеческой судьбы, подвластной некоей высшей силе, благосклонной к смиренному, покорному воле провидения существу, и карающей недавнего баловня судьбы, возмнившего в своей слепоте себя равным с богами. Адский вихрь (по воле богов — персонажей античной мифологии) сметает эту силу, и чем более прочной и стойкой кажется она сначала, тем мощнее и беспощаднее обрушивается на нее удар судьбы, олицетворенный в зловещем северном ветре — Аквилоне. Этот античный сюжет через посредство басни Лафонтена получивший широкую популярность в Европе, уже во 2-й половине XVIII в. проник в русскую поэзию и вызвал к жизни ряд произведений басенного жанра, создав своего рода особую поэтическую традицию. Начиная с А.П.Сумарокова и вплоть до И.И.Дмитриева и И.А.Крылова, ни один крупный русский баснописец не обошел своим вниманием этот сюжет, весьма актуальный для русской жизни конца XVIII — начала XIX вв. с ее острыми нравственными и общественными проблемами.

Не подлежит сомнению не только близкое знакомство Пушкина с басней о дубе и тростнике Лафонтена (убедительно обоснованное Томашевским), но и с русскими баснями на этот сюжет, известными ему еще с лицейских лет хотя бы по составленной В.А.Жуковским 5-томной хрестоматии лучших русских стихотворений, взятых из популярных журналов конца XVIII — начала XIX вв.; в 3-й том этого издания был включен раздел басен. В него вошли «Дуб и трость» И.И.Дмитриева, «Дуб, кусты и трость» Ф.Ф.Иванова, но по первоначальному плану предполагалось включение еще двух широко известных басен на этот сюжет А.П.Сумарокова и Я.Б.Княжнина.³

Однако наибольшую близость к пушкинскому «Аквилому» обнаруживают две наиболее популярные басни на этот сюжет, принадлежащие И.И.Дмитриеву («Дуб и трость») и И.А.Крылову — «Дуб и трость», впервые напечатанная в «Московском зрителе» (1806. Ч I. С. 73—75) вместе с «Разборчивой невестой» с общим подзаголовком: «Две басни для С.Бенкендорфовой». В текстах двух соперничавших между собою знаменитых баснописцев (стоит вспомнить в этой связи об известной басенной полемике Пушкина с Вяземским, приходившейся как раз на ближайшее к «Аквилому» время) упоминается аквилон, правда, в своей сугубо назывной функции; но даже у Крылова (придавшего традиционному басенному сюжету демократическую направленность и тем самым приблизившему его, минуя разных литературных посредников, к античному первоисточнику — эзоповской басне) аквилон и зефир — это чисто географические понятия. В стихотворении Пушкина эти образы имеют широкое символическое значение. Существенно, однако, другое: Пушкину оказывается близкой акцентируемая Крыловым мысль о «бессилии» силы и «силе» слабости, которая в его басне обосновывается по законам этого жанра и получает нравственно-этическую направленность, служит целям назидания, поучения. В стихотворении Пушкину она (то есть мысль) конкретизируется и реализуется в ином, чисто лирическом контексте, давая совершенно новый поворот сюжету о дубе и тростнике, что выводит пушкинское стихотворение за жанровые рамки басенной традиции с ее иносказательностью и аллегориями, морализированием и назидательностью. Басенный сюжет приобретает у Пушкина несвойственное этому жанру эмоционально-субъективное звучание, и традиционные персонажи — дуб и тростник (трость) — вписываются в исполненный лиризм пейзаж, несущий явные признаки национально-русского (северного) пейзажа, даже локализованного под пейзаж окрестностей Михайловского. Аллегорические (басенные) персонажи, воспринятые сквозь призму личных настроений автора, теряют свои жанровые признаки и ассимилируются принципиально иной поэтикой лирического стихотворения. Вот почему, на наш взгляд, попытки увидеть в «Аквилоне» лишь слегка завуалированную аллегорию сильно огрубляют и упрощают восприятие этого поэтического текста. Ошибка комментаторов состоит в стремлении анализировать лирическое стихотворение как басню.

Какие же настроения владели Пушкиным при создании «Аквилона» в первые, пожалуй, самые трудные месяцы михайловской ссылки? Чувство одиночества в кругу семьи, напуганной гонением властей на поэта, резкая ссора с отцом, возмущение, обида, полная незащитность перед преследующими его властями. Отзвуками этих бурных и печальных чувств наполне-

ны михайловские письма Пушкина к петербургским друзьям и, конечно же, исполненный горькой иронии диалог с главным «гонителем» — царем — в написанном тогда же «Воображаемом разговоре с Александром I». Таков творческий контекст пушкинского «Аквилона», который своеобразно преломляет эти же настроения и художественно воплощает особое психологическое состояние автора. Взяв за основу известный басенный сюжет, Пушкин трансформирует его в лирическую исповедь, внутренний монолог. Стихотворение начинается не с традиционного для басни спора дуба и трости (тростника), а с типично песенного, фольклорного зачина — лирического обращения к ветру (ср. с зачином народных песен: «Не тебе ли, ветру буйному...» или «Не шуми ты, мати зеленая дубравушка...» и т. п.), который создается приемами фольклорно-песенного параллелизма (передачи душевного состояния лирического героя через эмоционально окрашенные картины природы). Далее весь басенный сюжет выстраивается по «сценарию» лирической народной песни. Фольклорный элемент в «Аквилоне» — особая, мало исследованная проблема (в рамках этой работы она может быть обозначена лишь в самых общих чертах), однако ясно одно: фольклоризм «Аквилона» — не явный, не стилизованный под просторечье и народно-поэтическую речь. Фольклорный элемент органически включен в общую художественную систему поэтики Пушкина и служит для раскрытия местного (михайловского) колорита, узнаваемого и в образе дуба (пробобра будущего «дуба уединенного») и в картинах зыблмого ветром болотного тростника (растущего по топким берегам Сороти и озера Маленец). Басенные универсалии, ее открытый аллегоризм и морализм начисто «уходят» из сюжета о дубе и тростнике, уступая место широкой, предметно-живописной манере лирического пейзажного стихотворения, заключающего в себе и более глубокий, философско-исторический смысл. Возможность расширительного толкования «Аквилона» дает ключевой поэтический мотив бури, грозы, отсылающий к метафорическому образу «грозы 12 года» с ее устойчивыми историческими реалиями. У стихотворения появляется второй, условно говоря, исторический план, ибо для современников Пушкина события Отечественной войны 1812 г. неизбежно ассоциировались с именами главных действующих лиц великой битвы двух народов. Антитеза «Александр I и Наполеон» как выражение идеи превратности человеческого бытия, непрочности земной славы владык мира составляет устойчивый мотив лирики конца 10-х — начала 20-х гг. XIX в. Крушение Наполеона, его заточение и смерть на острове Св. Елены лишь подтвердили высказанную еще в 1815 г. Жуковским в «Славянке» мысль:

<...> сколь блага наших дней,
Сколь все величия мгновены.

И нечувствительно с превратности мечтой
Дружится здесь мечта бессмертия и славы». ⁴

В «Аквилоне» эта мысль получит подтверждение фактами истории: подобно «величавому дубу», еще недавно красовавшемуся на высоте, низвергнут Наполеон. Здесь, однако, нет прямой аллегии (Наполеон — дуб), но

есть аналогия, вызывающая цепь исторических ассоциаций. Его трагическая судьба должна послужить предостережением Александру I, ныне находящемуся на высоте величия и славы. Главной теме стихотворения аккомпанирует идея милосердия, прямо заявленная в начальном стихе: «Зачем ты, грозный аквилон...». Она пробуждает размышления читателя о великодушии, которого так не хватает властителям судеб мира. Впрочем, подобные мысли уходят в подтекст, но неизбежно появляются у читателей стихотворения, хотя нигде прямо не формулируются.

Конечно же, Томашевский был прав, отказываясь видеть в смиренном «тростнике» аллегорический образ автора, гонимого грозным северным Аквилоном, олицетворяющим Александра I. Однако снова напрашивается аналогия с судьбой гонимого поэта, которая оживляет ассоциации иного, уже сугубо личного плана. И здесь «Аквилон» как бы смыкается с «Воображаемым разговором с Александром I», в котором поэт выразил свои обиды на монарха.

Бурные события последекабрьских лет подтвердили правоту главной мысли стихотворения. На этот раз «низвергнутым» оказался сам Александр I, скончавшийся в ноябре 1825 г., а автор «Аквилона» не только не подвергся грозным ударам судьбы, но и счастливо избежал преследования со стороны нового монарха, Николая I, освободившего Пушкина из михайловской ссылки. Жизнь по-своему переосмыслила положенную в основу стихотворения ситуацию, и это позволило Пушкину задуматься над возможностью публикации стихотворения. В списках произведений, предназначенных для печати, «Аквилон» (и это, на наш взгляд, не случайно) неизменно соседствует с острыми в политическом отношении произведениями, имеющими в то же время глубоко личный характер. В автографе ПД 168 «Аквилон» объединен в особый цикл вместе с «Арионом». Оба текста помечены знаменательным числом «26», как нам представляется, указывающем на 1826 г., когда Пушкин был освобожден из ссылки. Однако, он осознавал, что подобная близость лишь подчеркнет их особый политический смысл, и Пушкин отказался от циклизации этих произведений и опубликовал без подписи в «Литературной газете» 1830 г. лишь «Арион».

В болдинскую осень 1830 г. Пушкин задумался и о напечатании «Аквилона». Именно тогда он записал и доработал текст стихотворения, внося в него новые акценты. Он усилил мотив гонения, оттенив тем самым контраст картины бури (с ее новым метафорическим смыслом, намекавшим на декабрьские события) и мирного спокойного состояния природы. Эта последняя картина подверглась в болдинском автографе особенно значительной правке.

Автограф этот содержит еще одно указание на то, какие мысли владели поэтом, когда он дорабатывал свое старое стихотворение: в тот же день на обороте этого же листа он переписал из рабочей тетради ПД 841 одно из самых неожиданных по смыслу стихотворений кавказского цикла 1829 г., навеянного поездкой в Арзрум. Это стихотворение «Делибаш» с отчетливо выраженной в нем мыслью о бессмысленности всякого насилия, несущего лишь страдания и смерть, которыми закончилась схватка российского казака и турецкого «делибаша». Нашу мысль о том, что подобное соседство также не является простой случайностью, подтверждают еще два списка

предназначенных для печати стихотворений: ПД 515 и ПД 716, где оба текста соседствуют с «Арионом» и «Бесами», составляя новый, несколько расширенный цикл, неосуществленный в печати, но как бы находящийся в процессе становления.⁵

В последнем по времени списке ПД 922 (дата его составления август 1836 — начало января 1837 г.) «Аквилон» также окружен далеко не нейтральными текстами: он поставлен между стихотворением «Из Пиндемонти» (1836) и «Тучей» (1835), правда, это название зачеркнуто. Видимо, слишком явной была аналогия с обстоятельствами, вызвавшими появление «Аквилона». Этот новый контекст свидетельствует, что в 30-е гг. михайловское стихотворение обросло новыми историческими и биографическими аналогиями. Оно приобрело несколько иной этический смысл, связанный с проблемой соотношения власти (как насилия) и личной независимости, необходимой для творческой жизнедеятельности. В условиях постепенно нараставшего конфликта с новой властью в лице А.Х. Бенкендорфа и ближайшего окружения Николая I, «Аквилон» актуализировался в творческом сознании Пушкина, и поэт отдал стихи в печать в первые дни нового 1837 г., что, на наш взгляд, придало им до известной степени программный характер.

Последовавшая в конце января 1837 г. смерть Пушкина внесла еще один, на этот раз глубоко трагический штрих в картину низвергнутого «грозным Аквилоном» «величавого дуба». Глубоко оригинальное по своей жанровой форме и богатейшее по философскому смыслу произведение обернулось для автора еще одним пророчеством.

¹ О судьбе «Михайловской тетради» см.: Фомичев С.А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД 835// Пушкин. Исследования и материалы. Т. 11. Л., 1983. С. 32—33.

² Томашевский Б.В. Пушкин и Лафонтен//Временник Пушкинской комиссии. Т. 3. Л., 1937. С. 215—244.

³ См.: Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов. Т. 3. М., 1810—1811. См. также: Реморова Н.Б. Басня в «Собрании стихотворений...», изданном В.А. Жуковским//Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Ч. 3. Томск, 1988. С. 406—407.

⁴ Жуковский В.А. Собр. соч. Т. 1. М.; Л., 1959. С. 262.

⁵ См. об этом: Измайлов Н.В. Лирические циклы в поэзии Пушкина конца 20—30-х годов//Измайлов Н.В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975. С. 213—269.

ВСЕРОССИЙСКИЙ МУЗЕЙ А.С.ПУШКИНА

ПУШКИНСКИЙ
МУЗЕУМ

Альманах

«Дорн»
Санкт-Петербург
1999